

Николай Карпюк

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЛУПУ

Рассказ, размышления, советы, стихи

Книга восьмая

Белгород
«Везелица»
2012

ББК 84 (2 Рос.=Рус.)6
К 26

Карпюк Н.

К 26 Взгляд сквозь лупу: рассказ, размышления, советы, стихи. –
Белгород: «Везелица», 2012. – 170 с.

© Карпюк Н., 2012

© Оформление. Издательство «Везелица», 2012

Отзыв
о прочитанной книге Н. С. Карлюк.

Я, Кривошкурова Мария Федоровна
с 2003г. являюсь читательницей его книг.
Впервые познакомилась с творчеством
Н. С. Карлюка о природе, о нашей
армии, о процессах происходящих в мире,
о жизни северных народов, о кочевнических
семейных объединениях, об азиатских
племенах, о кочевнических племенах
в природе.

На примере его произведений
можно воспитывать у подрастающего
поколения любовь к Родине, любовь к
жизни, любовь к природе,
замечательные качества человеческого
духа, духовного и нравственного возни-
кания.

В своих романах он учит
доброты, уважения к другим
людям, к людям, которые не
справляются, правдивого взаимоотно-
шения, в семье и в обществе.

Очень много читаю его новых произ-
ведений и желаю всем
любителям книг.

Круж -

Посвящаю 90-м годам, великим, трагичным и беззаконным, переломившим нашу Родину «через колено»

К читателю

Я, Карпюк Николай Сергеевич, обращаюсь к читателям восьмой книжкой. Рассказ «Судьба – игрушка случая» был написан мною давно под впечатлением бесед с интересным собеседником в вагоне поезда «Москва – Владивосток». Попутчик был эмигрантом из Советского Союза в Израиль. Он каждый год приезжал на свою родину, в Еврейскую автономную область, город Биробиджан, чтобы «надышаться таежным воздухом», поговорить с земляками по-русски и на идиш. Он точно заметил: «Русские и евреи – это разные народы, но мы единственные в мире люди, которые не скрывают своих недостатков и в слагаемых о себе анекдотах не стесняются их высмеивать. Что русские, что евреи тем самым дают другим народам поводы для выдумки разных небылиц».

Когда-то любопытства ради я из журналов вырезал на всякий случай полезные советы, собирал отрывные календарные листики с «народной мудростью». Случайно нашел несколько желтых листиков с напечатанными рецептами старой русской кухни. Этого забытого добра у меня был целый пакет, и я решил их собрать воедино и отдать на просмотр и использование читателям. Эти советы я изложил кратко и доступно для понимания.

К сожалению, отношения мужчины и женщины не всегда гармоничны, особенно в половом отношении, поэтому я решил взять из книги «Откровенно о сокровенном» несколько советов и показать их читателям. Мне кажется, что они интересные.

Меня очень впечатлила книга Р. Моуди «Жизнь после жизни» и я решил порассуждать о ней, сравнить его суждения с исследованиями других авторов и высказать свое мнение. Попытался осмыслить материал его книги и привести примеры подобного, что происходило в России, и подчеркнуть отличия.

В общем, читайте, смейтесь, критикуйте, вспоминайте, может, из всего написанного что-то было похожее в вашей жизни.

С уважением Карпюк Н.С.

СУДЬБА – ИГРУШКА СЛУЧАЯ (Рассказ)

Мотор уныло урчал, и автомобиль тихо продвигался вперед. Вдоль грунтовой дороги росли яблони с пыльными плодами на ветках. За ними простирались заросшие бурьяном поля. В желтом от жары небе кружил большой коршун. Наверное, ему хватало пищи, если он вымахал до таких размеров. По всей видимости в дикой растительности водилось много мелкой живности. Без сомнения, здесь было царство мышей, куропаток и даже зайцев с их потомством. Дикая природа торжествовала, раз эти поля не нужны человеку.

Мимо нас протарахтел неизвестной марки мотоцикл. Им управлял мужик с бородой, как у сказочного Карабаса-Барабаса. На голове у него была фибровая шестигранная шахтерская каска. Как она могла защитить голову при падении – было не понять. В шахте у нее одно предназначение – беречь макушку головы шахтера от ударов камней сверху и о кровлю... И вообще, откуда она могла здесь взяться, где о шахтах понятия не имеют?

Меня отвлек другой вид транспорта – нагруженный сеном ишак. Сверху на сене сидела бабка и на коленях держала алюминиевую лестницу. Наверное, чтобы залазить наверх? Под сеном ишачка почти не было видно, и казалось, что копна с бабкой наверху двигалась «по щучьему велению».

Мне, городскому жителю, все это было необычным и смешным. Куда же мне дали направление для прохождения медицинской практики? Говорят, что здесь был когда-то цветущий край... Но пока я видел повсюду только цветущую полынь. Ее горькое серебро втягивалось в легкие вместе с горячим воздухом. Месяц постажируюсь в поликлинике или больнице райцентра, напишу отчет о практике и – на каникулы. Последний курс – и подготовка к защите диплома...

Наконец, показались предгорье и река. Через нее был перекинут так называемый мост. На ширину габаритов машины с одной стороны были спарены два бревна и соответственно так же с другой. Под этим «мостом» внизу бурлила вода.

Я подумал, что шофер высадит пассажиров, а сам прицелится, чтобы попасть колесами на этот настил, но я ошибся. Он с

такой же скоростью въехал на это качающееся строение. У меня аж зажмурились глаза, но вскоре почувствовал, как колеса спрыгнули на землю и мы покатили дальше. У нас бы такую поездку назвали экстремальной, а тут это рядовое явление.

По обочине дороги тянулась отара овец, наверное, на водопой. Впереди ее вел большой рогатый козел. Он гордо шагал и лишь иногда оглядывался назад. Удостоверившись, что все в порядке, двигался дальше. Я усмехнулся: вот почему слово «козел» является оскорблением. Он – предводитель глупых овец.

Потянулись частные дома, сложенные из грубого камня и скрепленные между собой глиной. На их оштукатуривание не хватило или сил, или глины. У домов росли яблони и еще какие-то деревья. Наверное, они уже дали урожай, и ветки были свободные.

Этот унылый вид на меня навеял тяжелую тоску. Лишь недалекие горы радовали глаза сочной зеленью. Встречались пешеходы только пожилого возраста. А где же молодежь? Уехали из этой тоски на заработки? Я подумал, как же мне здесь прожить месяц практики?

Наконец, выехали на асфальт, и минут через пять показалось длинное одноэтажное здание. Автомобиль остановился, я вышел. У входа было написано: «Поликлиника № 1», а чуть дальше – «Районная больница г. Гусева». Сев на лавочку, я достал направление на практику.

Открылась входная дверь и появился... «Карабас-Барабас». Он закурил папироску и уставился на меня. Я встал, поздоровался и спросил, к кому можно обратиться. Он, не вынимая изо рта папиросу, ответил: «По всем вопросам отвечаю я, Самуил Иванович. Я и главный врач, и хирург, и акушер, и экспедитор, привожу медикаменты... Некому работать... Все разбежались. Одни старики... Вот их и лечу, а кто может, тот в больнице работает.

Выслушав меня, он радостно потер руки. «Много полезного сделаем!» Он подмигнул, и улыбка раздвинула бороду. «Поселишься у Анфисы... вниманием не обидит. Ей всего сорок шесть годов, веселая. Мужик спился и где-то пропал. А ты уже не мальчик, не обидишь. Она и на меня «глазложила», но требовала сбрить бороду, а я отказался. Понимаешь, не позволяет мне

это сделать моя вера». Самуил Иванович бросил папиросу, и мы зашли в его кабинет. Он кому-то позвонил, чтобы пригласили старшую медсестру. Вскоре зашла женщина в обтягивающем белом халате. Жгучая брюнетка. На белом лице выразительные черные глаза. Красные губы почему-то вздрагивали и полные груди то подымались, то опускались. Самуил Иванович представил меня и попросил поселить в своем доме на месяц. Почему-то добавил, что мне уже двадцать девять лет – не ребенок, жизнь знает. «Пройдет практику и вернется дипломированным врачом».

Она меня изучающе осмотрела, как будто приценивалась к покупке, и мягко ответила: «Я согласна». Самуил Иванович одобрительно хмыкнул и добавил: «За его проживание заплатим».

Если бы я тогда знал, чем мне придется платить и что придется пережить! А пока она пошла вперед, я следом. Ее круглая попа при ходьбе ходила веялкой – туда, сюда... Я пытался ответить глаза, но не мог. Все-таки женщине сорок шесть. Она, конечно, знала свойство своей «веялки» и грациозно шла впереди, выставив свою пышную грудь, как бампер у мощной машины.

Мы подошли к частному дому. Она резко повернулась ко мне и сказала: «Молодой человек, вот на целый месяц входите сюда хозяином... Комната угловая, с отдельным выходом, но есть вход и в общую спальню. Но это так, к слову... Как вас зовут?» Я ей ответил: «Коля, проще – Николай». Она повторила несколько раз мое имя и сделала вывод: «Значит, Николай-угодник... Это хорошо. Меня ты знаешь, как зовут, но называй проще – Фиска, Феся... Фесочка. Но не тетя Аня! Лучше – Анфиса Карповна. Вот душ, мойся и располагайся. На обед пойдешь в столовую больницы, там кушать всем хватает. А ты будешь там прописан как будущая медицинская величина».

В комнате стояла железная панцирная кровать, в углу шкаф и деревянный табурет. Я достал из чемодана одежду, повесил на плечики и – прямо в душ. Помывшись, пошел на обед.

Больные и персонал уже знали о моем прибытии. Они с интересом смотрели на меня и, наверное, удивлялись, что я решил здесь обосноваться. Хотя я ничего такого и не говорил, а Самуил Иванович, наверное, так сказал, чтобы ко мне относились внимательно. А как же! Будущий начальник, благодетель...

лотый рогатый черт кидал лопатой в заднюю промежность черный уголь. Она наклонялась, и черти вытягивались и зубасто смеялись.

Я был «убит», у меня, кроме ужаса, в душе ничего не появилось. Любана хрипло хихикала и радостно шептала: «Вот видишь, какие в зоне делают чудеса! Все, хватит, пора в постельку, в люлечку. Давай, «братик», покажи, на что ты способен». Она выключила свет, и это стало для меня почти что приговором. Я не знаю, какая сила заставила меня возбудиться. После объятий в душе осталось гадкое омерзение. Оказывается, ей постель не очень-то была нужна. Она так меня «отблагодарила» за принесенный телефон. После сеанса такой любви, Любана набирала номера своих подельниц. Сразу же спрашивала, как они выполняют договоренности по выплате ей оговоренных денег за убийство «кобеля Нюх-Нюха»? Выслушав ответы, она грозно сказала: «Через год выйду на условное освобождение. Понимаете? Мне что одного завалить, что двоих – не жаржавеет. Счет мой знаете. Выйду проверю квитанции, кто сколько перевел, а дальше буду решать».

Я онемел. Вот для чего ей нужен был телефон! Нет, так дело не пойдет. Она положила «сотик» и жестко сказала: «Козы драные! Жребий выпал на меня, и я выполнила долг. Пусть попробуют не исполнить свои обязанности... Теперь черти будут меня хранить всю жизнь...

Она накинула платье и вышла покурить. Я нажал кнопку перевода денег на счет своей матери и попросил оператора заблокировать мой номер до особого распоряжения. Потом положил телефон на то же место. Сделал вид, что дремлю.

Вскочила Любана и ехидно прошептала: «Порадую вдову Нюх-Нюха... Пусть меня не забывает... Напомню ей тот «радостный» день, когда он ушел в ад!». Она набрала номер и вдруг услышала, что на счету денег нет и аппарат заблокирован. Она пришла в ярость и зашипела: «Менты поганые, запеленговали, а мне еще нужно говорить и говорить. Как сказала Анфиса, подлость, как топор, всегда рубит».

Любана взглянула на меня и добавила: «Это старшая по нашему отряду осужденных, по-нашему – завхоз. Огонь-баба!

Вроде умная, да сделала явку с повинной, что когда-то замочила своего муженька. Прошло шестнадцать лет с того момента, и все о нем забыли, а кто помнил, то думали, что спился или бандиты убили. Да она сама всем толковала, что он был своим образом жизни обречен на смерть. Нет, ей пришло в голову, что он спустя столько лет пришел к ней молодым любовником. Да и звали его Колей. Она помешалась на любви к нему и в походе в горы тоже чуть не убила его. Ох, огонь-баба! Говорит, что не хотела, чтобы он ушел к своей девственнице. За добровольное признание в совершении преступления ей дали шесть лет колонии строгого режима. Толкует, что за свою подлость обязана понести наказание. Жалеет о потере любовника. Говорит, хорош был, еще жалеет о топорике... Да-да. Потеряла его и без него стало страшно жить».

Я вытянулся в струнку. Да это же сумасшедшая Анфиса Карповна! Прав был Самуил Иванович, что она очень подозрительная. Надо же, как бывает в жизни: она в колонии встретилась с «девственницей». Я понял, что они еще в дружественных отношениях.

Любана продолжала: «Она меня вытянула из группы нарушителей режима и запретила делать татуировки. Да мне и этих хватит... Пододвигайся, еще ударим по «рубчику!»». У меня же было большое желание ударить ей в морду. Она ведь сгнила изнутри. Юный стебелек попал в темницу и погиб. Это уже не Любана. Я себя пересилил, и мы побаловались «по-родственному».

Говорили о прошлом до утра, и она нарушала запрет курить в номере. Утром пришла женщина-контролер и, почувствовав запах дыма, сказала: «Свидание прерываю за грубое нарушение правил пожарной безопасности». Любаню увели, а я даже обрадовался этому. Прошлое горькое, а будущее неизвестно.

За воротами колонии мне захотелось петь. Такой груз сбросил с души. Вот ее подлость и разрубила наши отношения, уже не сшить и не склеить. Я побежал на остановку. Вокруг было много солнца, свежего воздуха и ни одной решетки. Люди шли сами по себе, никто их не приводил и не уводил.

Да, колония – это антимир. Там не живут, а отбывают срок наказания. Они просто вычеркивают свои года из жизни. Хорошо, что прервали наше свидание! Сама Любана с ее чертями на

заднице превратилась в сатану. Ну что с нее будет, когда она освободится из колонии? Будет требовать деньги с девок за свой подвиг? А это шанс снова очутиться в тюрьме за вымогательство. Допустим, ей вернут оговоренные деньги. Ей с приобретенными зековскими привычками ничего не светит. Найдет таких же друзей, как сама, и ударится в разгул наверстывать упущенное. Ее же «любное место» и угробит. Человек, согнутый тюрьмой, уже не выпрямится. Я же ей ничего не обещал. Одно противно и досадно, что мы с ней ложились в постель. Разве можно сравнить ее с Анфисой? А она ей в дочери годится. Нет, такие женщины мне не нужны.

Я смотрел на одетых в яркую одежду людей и вспоминал осужденных женщин, похожих на серые тени. Мне показалось, что надо по телевизору меньше крутить лихие боевики, а больше рассказывать молодежи, что такое жизнь в колонии. Может быть и Любани осталась бы светлым цветочком. Все у нее было: домашний достаток, любовь родителей и жениха, почти что высшее образование. Нет, захотелось женатого мужчину и бриллиант на палец. Я даже вздрогнул, вспомнив бриллианты. Не даром они мне достались — три покушения на мою жизнь.

Так размышляя, я подъехал к родному дому. После мрака колонии мне все казалось радостным и веселым. Дома залез в душ и смыл все запахи. Как потом сказала мама, от меня шел тяжелый дух могилы. А колония — это и есть могила для живых. После посещения Любани, вспоминая ее речи по телефону, я отчетливо понял, что такое телефонный терроризм. Вот почему у осужденных изымают «сотики». Я на свой дорогой телефон не мог смотреть. Он мне напоминал о свидании с Любаней и о ее чертах на заднице. Мы поменялись с братом, только перекинули сим-карты. Меня больше на подвиги не тянуло, и я жил спокойно.

* * *

Как-то вечером зашла ко мне мама и посетовала на брата: «Еще не закончил учебу, а невеста уже на сносях, скоро родит. Где им жить? Придется троих содержать... он же не работает». Я ее успокоил и осторожно рассказал, что у меня хватит денег на покупку квартиры. Тонкости не стал объяснять, она и так от ис-

пуга еле дышала. Договорились, что в купленную квартиру переедет она с отцом, а родне будут говорить, что продали семейные драгоценности и часть взяли взаймы. Кроме отца об этом никто не должен знать.

Уже с отцом пришлось поговорить обо всем. Он смотрел на меня, веря и не веря. Как такое могло случиться? Я ему поклялся на иконе, что я не разбойник и не убийца. Родители тяжело переваривали мой рассказ, что даже брат заметил: «Они стали какими-то чумными». Я же резко ответил: «С тобою станешь чумным. Невеста скоро родит, институт не закончил, а где жить?». Брат посмотрел на меня и с грустью сказал: «Понимаешь, ей за чем-то понадобились срочно сто тысяч рублей, а тут и так проблема на проблеме». Я его попросил показать свою избранницу, тогда будем решать, что делать дальше.

Вечером позвонили в дверь, и мать открыла. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял брат с беременной невестой. Я отошел за шторы. Боже, да это же моя однокурсница! Она входила в гарем Нюх-Нюха! Любана заканчивает восьмой месяц в колонии, а эта – девятый месяц после сплава по реке Катунь. Все сходится. Она же мне передавала письмо от Любани.

Мать их провела в гостиную, накрыла стол, стала расспрашивать о родителях. Шла милая и тихая беседа. Принесли торт и чай. Еще раз позвали меня. Я вышел и поздоровался. Она, при виде меня, засобиралась домой. Брат растерянно спрашивал ее, что случилось. За нее ответил я: «Да ничего особенного! Заканчивается девятый месяц сплава, пришла пора Любани сто тысяч рублей отдавать... тяжело, да? А ей срок тянуть легко? Она при мне тебе звонила...»

Брат ударил меня в нос и, схватив невесту под руку, вышел из квартиры. Мать стала вытирать мне кровь с лица, приговаривая: «Ты совсем с ума сошел, помешался на деньгах, ломаешь жизнь своему брату... Да и братец такой же, как ты». Я пытался маме объяснить в чем дело, но она плакала и плохо меня слышала. Наконец, она поняла о вынесении приговора обманутыми девицами, о том, что Любана не выдала сообщниц, а исполнила задуманное и теперь требует плату оговоренной суммы – с каждой по сто тысяч рублей. А чтобы спасти свое положение,

самозванная невеста поднапоила братика и уложила к себе в постель. Он тоже был девственник. Проснуться в постели с женщиной для него было поводом для гордости. Если он считает себя отцом будущего ребенка, то отцовство можно проверить по группе крови. Объяснить ему, что лучше сейчас все выяснить, чем потом разыграется трагедия. Если это будет его ребенок, то мы сыграем пышную свадьбу и найдем деньги для нее, чтобы расплатиться с Любаней. А так просто приютить ребенка человека, который мою жизнь надлюмил, а мою мечту, мою глупышку довел до тюрьмы, было бы ужасно глупо и невыносимо. Я маме еще сообщил, что подобрал квартиру в элитном доме, и за дополнительную плату служба регистрации проведет ускоренную проверку. Я туда перееду, тем более, что с братом у нас неприязненные отношения.

Мы не могли спать и обо всем говорили. К полуночи пришел брат, и мать вышла к нему в прихожую. В приоткрытую дверь спальни я хорошо слышал их разговор. Разлюбезная Тася ему такое на меня наговорила, что меня аж ломило от злости. В итоге она заявила, что с братом такого злодея жить не желает. Мать с трудом его успокоила и пообещала, что если ребенок его, то и деньги для нее найдем. Обессиленный брат уснул на диване. Два дня мы с ним старались не встречаться. Я пораньше вставал и уходил на работу.

Подходила к концу стажировка в Главном госпитале. Ведущие врачи предлагали мне остаться на постоянную работу. Но кто они? Последнее слово всегда за Яковом Лейбицем, а он молчал. Я уже подумывал дать ему некоторую сумму валюты в знак благодарности за доброе отношение ко мне. Решил, что буду снимать деньги на оплату покупаемой квартиры, тогда и ему отстегну. Это будет не взяткой, а подарком.

После работы ходил по мебельным магазинам и рассматривал мебель. На улице было холодно, а домой идти и встречаться с братом не хотелось. Мы с ним были жгучими брюнетами. Наверное, у нас в роду были татары или представители кавказской национальности. Уж очень мы были горячими и задиристыми, хотя по вероисповеданию считались православными христианами и были крещеными.

Мои мысли прервал звонок мобильного телефона. Звонила женщина из службы регистрации прав на приобретение квартиры. Она сказала, что завтра надо внести оставшуюся плату за квартиру и получить документы на право собственности. Я благодарил Бога: жить в родном доме стало невозможно.

Я, как обычно, по возвращении домой пошел на кухню, выпил чаю и быстро заскочил в спальню. Вошла грустная мать. Она присела на край кровати и сказала, что брат пропадает в роддоме. Туда сегодня отвезли невесту Тасю. Он собирается дежурить в приемной отделения целую ночь – просто свихнулся. Я попросил маму завтра походить со мной по магазинам и подобрать мебель. Она замахала руками: «Да поручи ты это сделать службе сервиса. Скажи им, какой тебе цвет нравится, а остальное они сделают сами. Денег у тебя хватает... Подумай и о брате... Вдруг это его дитя? Им тоже понадобится отдельная квартира, в эти дни мне надо быть рядом с ним, чтобы чего не натворил».

Она ушла, а я мучился угрызениями совести. Может быть я чересчур подозрительный? Да, замуж выходят далеко не девственницы. Ну была она с этим Нюх-Нюхом, ну неприятно, да не мне же с нею жить!.. Может, все уладится. Я перееду на другую квартиру и не обязательно с нею встречаться. Незаметно тяжело уснул. Утром встал с этими же мыслями и ушел на работу.

В обед получил документы на квартиру и полностью расплатился. Взял такси, забрал ключи у старшего по подъезду. От радости побежал на свой пятый этаж. Открыл сейфовые двери – внутри все сверкало. Широкие пластиковые окна и красавицалоджия звали к себе. Недалеко зеленела роща и голубой лентой протекала река. Вся территория вокруг дома выложена цветной плиткой, большие клумбы. Наверное, летом здесь будет царство цветов. Три комнаты, шикарная кухня – для одного человека великовато. Как говорится, будем стараться. Какие наши годы! А может, вселить сюда брата с его молодой мамой, может, все-таки ребенок его?

Что-то меня пугала новая обстановка. В старой квартире прошло детство, там мне было тепло и уютно. Я вновь поехал в мебельный магазин и сделал заказ. Обещали, что через три дня мебель будет завезена и собрана на месте.